

ДАНТЕ – ПЕТРАРКА – ТАССО: ТОПОС ПОЭТА-ИЗГНАННИКА¹

В статье исследуется топос «поэта-изгнанника», являющийся подвариантом топоса «поэта-страдальца». Особенную популярность он обрел в эпоху романтизма, когда прочно стал частью поэтического языка и элементом самоописания для поэзии. Но корни у него давние. Уже Данте дал этому топосу мотивы моральной стойкости, любви к родине вопреки и поверх ее несправедливого суда, притягия своей судьбы. Петрарка прибавил мотив абсолютной самодостаточности как главного условия поэтической самореализации. Тассо сформировал топос окончательно, придав ему свойства и статус нормативности: поэт в силу своего выбора оказывается обречен на неразрешимый конфликт с социальной действительностью.

Ключевые слова: Данте, Петрарка, Торквато Тассо, Овидий, поэтическая топика

Знаменитая формула Марины Цветаевой «В сем христианнейшем из миров поэты – жида!»², при всей своей афористической парадоксальности, опирается на прочную традицию восприятия судьбы поэта как роковой обреченности на страдания и изгойства, на неприютность и изгнанничество, в том числе (евреи – изгнанники по определению). «Изгнанники, скитальцы и поэты», как гласит еще один знаменитый стих, удел их – «к чужим шатрам идти просить свой хлеб» (с явной дантовской аллюзией).² В конце XIX в. эту тему не только развивали, но уже и пародировали (как, например, Чехов в рассказе «Исповедь, или Оля, Женя, Зоя»: «писатель – это вечный сирота, изгнанник, козел отпущения, беззащитное дитя»). Зародилась она давно и в полную силу вошла в эпоху романтизма, для духовного климата которой характерна вышедшая в начале XIX века книга Ж.-М.-Б. Бена де Сен-Виктора «Великие и несчастные поэты», где проводится мысль, что поэтический гений и исполненная страданий жизнь есть вещи нераздельные, и где выстраивается впечатляющий синодик поэтов-страдальцев – от Гомера и Сафо до Мальфилатра и Никола Жильбера. Есть в этом списке и Данте с Тассо. Петрарки, разумеется, нет.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Для Волошина изгнанничество и скитальчество – один из лейтмотивов. Ср. в той же *Sogona australis* «Кому земля – священный край изгнанья» или «В себе несем свое изгнанье мы». Ср. также: «Быть изгоем при всех царях или народоустройствах» («Доблесть поэта»), «Бездомный долгий путь назначен мне судьбой... Я странник и поэт» («Как некий юноша»), «Предвечно странствие мое» («Я верен темному завету»).

Первым в ряду поэтов-изгнанников стоит Овидий – поэтов изгнали и до него, но они о своей изгнаннической доле не писали, Овидий сделал тему изгнания темой поэтической³. Тему эту, однако, до Данте никто не подхватил. Причина, может быть, в том, что Овидий слишком охотно и безоговорочно признал себя виновным (хотя в чем заключается его вина, ни разу не сказал), и слишком, как кажется, работлепно славил своего судью (в надежде на помилование)⁴. Пушкин, во всяком случае, об этом вспомнил, оказавшись в своей южной ссылке рядом с местами, «где элегическую лиру / глухому своему кумиру / он [Овидий] малодушно посвятил» («Из письма к Гнедичу»). А Данте, напротив, ни разу не вспомнил об изгнании Овидия, хотя Овидий – один из главных для него поэтов⁵: отношение Овидия к своему изгнанию примером для него явно служить не могло.

Скорбь по оставленной отчизне и горечь от пребывания на чужбине Данте чувствовал не менее остро, чем Овидий – правда, чтобы ее сполна выразить, Овидию понадобилось две книги стихотворений, а Данте хватило двух терцин (Рай, XVII, 55–60). Овидий надеялся на прощение – Данте также до какого-то времени верил, что ему удастся «по-хорошему» (*con buona pace*) примириться с Флоренцией и в ней «успокоить усталый дух» (Пир, I, III). Овидий прощения не дождался – Данте, и здесь уже начинаются различия, отверг прощение, оговоренное рядом унижительных условий. Путь «славы и чести» (*via... que fame Dantisque honori non deroget*) для него важнее, чем возвращение на родину⁶. Данте, в отличие от Овидия, не согласен считать себя виновным – ни в ошибке, ни в оплошности, ни в преступлении. Он – безвинный изгнанник (*exul immeritus*), так он себя называет в четырех письмах. Изгнали его за «добрые дела» (*per tuo ben far – Inferno, XV, 64*), и преступники – те, кто его изгнали, «завистливый, надменный, жадный люд» (68). Правда на его стороне, и хотя чувство влечет его к оставленной родине, разум убеждает, что мир Тосканой и Флоренцией не ограничивается, и именно мир он должен избрать своим новым отечеством (О народном красноречии, I, VI). Изгнание причиняет ему боль, но он гордится своим изгнанием (канцона «Мое три дамы сердце окружили»: *l'essilio che m' è dato onor mi tegno*)⁷.

³ Гаспаров 1997. С. 205.

⁴ Там же, с. 215–216.

⁵ Mincione 2015.

⁶ «Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит во Флоренцию я не войду никогда» (Письмо флорентийскому другу // Данте Алигьери. С. 384).

⁷ Об этой теме у Данте см.: Mercuri 2013.

Петрарку никто ниоткуда не изгонял – напротив, наперебой предлагали звания и должности. В изгнании он, правда, родился (его отец был изгнан из Флоренции в том же году, что и Данте) и куда с большим основанием мог бы зваться гражданином мира, чем Данте. «Гражданином Флоренции» (*florentinus civis*) и «моим согражданином» (*concivis meus*) его упорно называют Боккаччо, сам Петрарка тоже неоднократно именуется Флоренцию своей родиной, но ничего похожего на проницательные дантовские слова не ищет и не находит. В «Письмах о делах повседневных» он, как правило, защищается от обвинений в холодности или прямой неприязни к Флоренции: напоминает, что она была жестока по отношению к его семейству (*Fam. VII, 10*), говорит, что любит родину, но предпочитает жить в других местах (*Fam. VIII, 10*), а почему – объясняет тем, что она вся погрязла в делах и торговле (*Fam. XXIV, 12, *lucri dedita**). Во всяком случае большого желанья вернуться на родину или хотя бы навестить ее у Петрарки никогда не возникало. Впервые он побывал во Флоренции в 1350 г., сорока шести лет (напомним, что мать Петрарки получила разрешение вернуться на территорию Флоренции уже в 1305 г. и свои детские годы Франческо провел во флорентийской Инчизе – отец навещал семью тайно). А в 1351 г. флорентийская коммуна, поддавшись на уговоры Боккаччо, пригласила Петрарку занять кафедру в университете, при этом приговор отцу был бы отменен и конфискованное имущество возвращено. Откликаясь на это предложение (*Fam. XI 5*), Петрарка расценил возвращение имущества как естественный знак уважения к его заслугам, а на приглашение в университет ответил уклончиво и вскоре уехал в Прованс. Коммуна, поняв это как отказ, тут же отозвала все свои авансы.

Теме изгнания Петрарка посвятил небольшую главку в трактате «О средствах против превратностей судьбы» (II, 67). Основной тезис – «изгнания не существует», вернее, оно существует только для того, кто воспринимает его как несчастье. Между тем человека разумного и доблестного изгнание смутить не может, для него весь мир – отечество (или, в другой проекции, весь мир – тюрьма, но этот поворот темы здесь Петрарка не развивает). Если ты изгнан несправедливо, радуйся, что ты больше предан добродетели, чем родине. Если ты изгнан надолго, заведи себе другую родину. Тебе приказано отправиться в изгнание – считай это путешествием (похожая мысль – в *Fam. II, 3, 4*). Тебя принуждают – считай это своим выбором и отнесись к нему с радостью. Изгнание – это испытание, если оно тебя ломает, значит ты его не выдержал, если останешься тверд, доблесть твоя приумножится.

В качестве примеров стойкости перед лицом изгнания Петрарка называет Камилла, Рутилия, Метелла, Сципионов. Имени Данте нет, но негласно Данте здесь присутствует. Видимо, именно к нему можно отнести мысль о том, что не следует сохранять привязанность к малой

части обширного мира. Жалок тот, кто за эту привязанность держится. Дело тут, наверное, не только в желании уколоть мимоходом поэта, которого Петрарка воспринимал как своего главного соперника. Он, наверное, и вправду не понимал, как можно тосковать по городу, поступившему с тобой сурово и несправедливо, как можно хотеть вернуться в человеческий муравейник, где тебя связывают по рукам и ногам кровные и клановые обязательства, когда ты наконец обрел свободу. Сам же Петрарка был апатридом по судьбе и по натуре. Флоренцию, положим, ему было любить не за что. Но ведь и о Воклюзе, дом в котором он создал своими руками и который называл своей «малой Италией» (Fam. XII, 8), он как-то обмолвился: да, красивое место, но что в нем хорошего, если отнять у него Петрарку (письмо к Луке Кристиани от 19 мая 1349 г.). Италия, в любви к которой он постоянно клянется, это некая идея Италии, некий историко-культурный миф, и она имеет мало общего с Италией реальной⁸. Именно из этой, несуществующей Италии, Италии Цезаря и Цицерона он чувствовал себя изгнанником – из мира высокой культуры в мир варварства.

Здесь намечается некоторое духовное родство Петрарки с Овидием: у обоих есть оппозиция двух этих миров, культурного и варварского, разница в том, что у Овидия они разделены пространством, а у Петрарки – временем. Оба стремятся эту границу преодолеть: Овидий – «Письмами с Понта», Петрарка – письмами Гомеру, Цицерону и Титу Ливию. Оба согласны жить, где угодно, но только не там, куда их насильственно поместили⁹. Оба одиноки, но Овидий своим одиночеством мучается, а Петрарка свое одиночество культивирует. Овидий благодаря этому создает новую поэтическую тему¹⁰, а Петрарка – новый культурный миф.

Уединение для Петрарки – безотносительная ценность. Уединению он посвятил один из своих наименее риторически холодных трактатов («Об уединенной жизни», 1346). «Для меня, - говорится в нем, - с уединением не могут сравниться ни подруга, ни супруга, ни участие в суде, ни проценты и барыши, ни залоговые сделки, ни трибуны, ни баня, ни лавки, ни сцена, ни городские портики. Это мне внушено самой природой»¹¹. К уединению он действительно стремился, избрав своим образом жизни удел своего рода культурного отшельничества, не име-

⁸ Fenzi 2013.

⁹ «Я всегда желал бы быть рожденным в любой другой век и, чтобы забыть этот, постоянно старался жить душою в иных веках» («Письмо к потомкам» // Петрарка 1980. С. 310).

¹⁰ «Открытие темы одиночества, изобретение поэтических слов для ощущения одиночества – именно в этом заключается вечный вклад понтийских элегий Овидия в сокровищницу духовного мира Европы» (Гаспаров С. 205)

¹¹ Петрарка 1998. С. 88.

ющий в истории прямых прецедентов. В отличие от киников Петрарка, затворяясь в своем Воклюзе близ Авиньона или в Арква близ Падуи, никого не стремился эпатировать, а в отличие от монахов, уходя от мира, с миром окончательно не порывал. Его отшельничество – светское и вполне публичное: отдаляясь от мира, он становится миру лучше виден, ему уже не грозит опасность в нем затеряться. А чтобы мир о нем не забыл, ему нужно постоянно о себе напоминать – этому служат письма, длящийся десятилетиями рассказ о себе, исповедь, сделавшаяся публичной и непрерывной.

В главке, посвященной изгнанию в трактате «О средствах против превратностей судьбы», Петрарка об Овидии не упомянул. Зато упомянул, и весьма неодобрительно, в трактате «Об уединенной жизни» (II, 12). У него к Овидию две претензии. Первая – это то, что он слишком много внимания уделяет любострастию, чему свидетельством его «Наука любви», книга «нездоровая» (*insanum opus*) и справедливая причина для изгнания. Вторая – что он не понял, как благотворно для поэтов уединение, и в этом отношении представляет своего рода исключение. Вернуться в многолюдье Рима он стремился, потому что там легче было удовлетворить сжигавшие его желания. Будь его нравы другими, он бы и изгнанию не подвергся, и перенес бы изгнание с более легкой душой (*equanimius*).

В целом можно сказать, что если Данте дал складывающемуся топосу «поэта-изгнанника» мотивы моральной стойкости, любви к родине вопреки и поверх ее несправедливого суда, приятия своей судьбы, то Петрарка добавил к этому мотив самодостаточности. У Данте подступы к нему тоже есть: ты станешь «партией сам для себя», говорит ему Каччагвида (Рай, XVII, 69). Но Петрарка развил этот мотив до универсальной жизненной программы, в рамках которой мотивы, непосредственно связанные с изгнанничеством, оттесняются на второй план. Это, собственно, уже другой топос, и пушкинский стих «Ты – царь, живи один» опирается на него.

Тассо, как и Петрарка, был изгнанником, так сказать, во втором поколении. Изгнан был из Неаполя его отец, Бернардо, известный поэт – вместе с его патроном Ферранте князем Салернским. Семьи Бернардо изгнание не затронуло, и юный Торквато еще два года оставался с матерью, пока отец в 1554 г. не выписал его к себе в Рим. Самого Торквато не изгоняли. Он дважды бежал: сначала в 1577 г. из Феррары, где его после нападения с ножом на слугу подвергли заключению в монастыре Св. Франциска, затем в 1587 г. из Мантуи, где заключения не было, но был надзор. В промежутке было еще одно заключение, самое долгое и самое знаменитое – семь лет и четыре месяца в монастыре св. Анны в Ферраре. Это не помешало Тассо представить себя изгнанником в кан-

цоне «К Метавру», написанной (но не дописанной до конца), когда Тассо освободился от первой фerrarской темницы и еще не попал во вторую. Он называет себя «беглым странником» (*fugace peregrino*), сравнивает с Асканием и Камиллой (чьи отцы стали изгнанниками из родных краев), говорит, что рос в нищете и в «жестоком изгнании» (*in aspro essiglio*). Главный его гонитель – судьба, это она, жестокая и всевидящая, несмотря на свою слепоту (*quella cruda e cieca dea ch'è cieca e pur mi vede*), богиня сделала его с младенческих лет своей «мишенью и забавой». Для собственно художественного творчества Тассо такой плотный автобиографизм (он вспоминает еще о разлуке с матерью и о смерти отца) – редкость. Лирика его автобиографична только в той мере, в какой автобиографична всякая лирика классической эпохи (т.е. с большой долей жанровой и риторической условности), есть некоторые автобиографические включения в диалогах, в «Освобожденном Иерусалиме» – лишь строка во вступлении, где автор, подносящий свой труд фerrarскому герцогу, предстает «блуждающим странником» (*peregrino errante*), тонушим в море бед.

Образ Тассо как безвинного скитальца и страдальца, словно притягивающего к себе все возможные несчастья, есть в значительной мере плод его писем, большая часть которых создавалась в период заключения (более пятисот). Последующая традиция добавила лишь романтическую историю о любви к герцогской сестре и легенду о том, что Тассо притворился безумным с тем, чтобы избежать преследования высокопоставленных завистников. В тассовском эпистолярии – постоянные жалобы на неволю, на одиночество, на бытовые неудобства, болезни, страхи, тревоги, подавленность, галлюцинации. Мольбы о заступничестве, обращенные к князьям, прелатам, друзьям, литераторам. И вдруг – просьба прислать свежие рубашки и сахару получше (именно эта игра контрастов дала повод Леопарди объявить эпистолярий Тассо его главным произведением и лучшей прозой в Италии XVI века). В своих письмах Тассо готов назвать своих гонителей и завистников, но все равно главной гонительницей остается судьба, именно против нее он просит помощи («пусть победит Ваше милосердие мою судьбу» – письмо Лукреции д'Эсте 18 марта 1585 г.). И это уже не внешняя сила, против которой можно бороться и от которой можно бежать, а что-то сросшееся с тобой навеки.

Драматические перипетии дантовской биографии могли пониматься как нечто сугубо личное, как случившееся с ним и только с ним. Программа, предложенная Петраркой, могла рассматриваться как нечто сугубо абстрактное, как то, что к реальной жизни отношения не имеет. С Тассо ситуация в корне иная. Его судьба парадигматична. Недаром его жизнь, едва успев закончиться, стала превращаться в ле-

генду. То, что произошло с ним, может произойти со всяким поэтом – каждого подстерегает изгнание, темница, безумие. Рядом с образом поэта как любимца богов впервые встал образ поэта как невольника своей судьбы. Топос сложился окончательно.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаспаров М.Л.* Овидий в изгнании // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 192–227.
- Данте Алигьери.* Малые произведения. М.: Наука, 1968. 649 с.
- Петрарка Ф.* Лирика. М.: Художественная литература, 1980. 382 с.
- Петрарка Ф.* Сочинения философские и полемические. М.: РОССПЭН, 1998. 479 с.
- Fenzi E.* Petrarca e l'esilio. Uno stile di vita // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 365–402.
- Mercuri R.* Dante e l'esilio // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 231–250.
- Mincione G.* Ovidio nella Divina Commedia. Chieti. Edizioni Solfanelli, 2015. Pp. 72.

REFERENCES

- Gasparov M.L.* Ovidij v izgnanii // Gasparov M.L. Izbrannye trudy. Tom I. O poetakh. Moskva, Iazyki russkoj kul'tury, 1997. Pp. 192–227.
- Dante Alig'eri.* Malye proizvedeniia. Moskva, Nauka, 1968. Pp. 649.
- Petrarka F.* Lirika. Moskva, Khudozhestvennaia literatura, 1980. Pp. 382.
- Petrarka F.* Sochineniia filosofskie i polemicheskie. Moskva, ROSSPEN, 1998. Pp. 479.
- Fenzi E.* Petrarca e l'esilio. Uno stile di vita // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 365–402.
- Mercuri R.* Dante e l'esilio // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 231–250.
- Mincione G.* Ovidio nella Divina Commedia. Chieti. Edizioni Solfanelli, 2015. Pp. 72.

Андреев Михаил Леонидович, доктор филологических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН; ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ «Высшая школа экономики»; mikhailandreev1@gmail.com

Dante, Petrarch, Torquato Tasso: the topos of an “exile poet”

The article examines the topos of an "exile poet", which is a subvariant of the topos "poet-sufferer". It gained special popularity in the era of Romanticism, when it became firmly part of the poetic language and an element of self-description for poetry. But his roots are long-standing. Already Dante gave this topos motifs of moral fortitude, love of the homeland in spite of and over her unjust court, acceptance of her fate. Petrarch added the motive of absolute self-sufficiency as the main condition for poetic self-realization. Tasso formed topos definitively, giving it the properties and status of normativeness: the poet by his choice is doomed to an unresolvable conflict with social reality.

Keywords: Dante, Petrarch, Torquato Tasso, Ovid, Poetic topic

Mikhail Andreev, Dr.Sc. (Philology), Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World Literature, RAS; Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics”; mikhailandreev1@gmail.com